

Письма императора Николая I и великаго князя Михаила Павловича.

I.

Императоръ Николай—великому князю Михаилу Павловичу ¹⁾.

1.

3-го (15-го) февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Отправляя къ тебѣ Философова ²⁾, по твоему желанію, любезный Михайло, начну съ повторенія моего поздравленія съ прошедшимъ днемъ твоего рожденія; да благословитъ тебя во всемъ милосердый Богъ, и да соединитъ насъ всѣхъ съ радостью видѣть тебя совершенно излѣченнымъ. Досель извѣстенъ я только о щастливомъ проѣздѣ твоёмъ чрезъ Швейцарію и о вѣздѣ въ Сардинскую границу, далѣе ничего не знаемъ. Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе; но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ; и хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь

¹⁾ Печатаются съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора.

²⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ то время въ Римѣ.

же мало оправдывали поведение Дантеса, и въ особенности гнуснаго его отца, Гекерна. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Гекерну, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семь дѣлъ. *C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop*¹⁾. Пушкинъ погибъ, и славу Богу умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тѣму толковъ, наибольшую частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведения Гекерна справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ, Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться—чего не вытерпѣлъ. Дантесъ подъ судомъ равно какъ Данзасъ, секундантъ Пушкина; и кончится по законамъ; и кажется, каналья Гекернъ отсюда выбудеть.

По корпусамъ все въ порядкѣ. — На - дняхъ былъ въ Царскомъ Селѣ и не былъ доволенъ видомъ дѣтей въ Александровскомъ корпусѣ; они блѣдны и видно общее расположеніе къ болѣзненности, противъ велѣлъ принять мѣры. Показывалъ принцу Карлу дивизионъ Образцоваго полка, которымъ былъ очень доволенъ, и лейбъ-эскадроны моего Гусарскаго полка, первымъ былъ очень доволенъ, но не гусарами, которыхъ погонялъ.

Вчера сюрпризомъ вывелъ весь здѣшній гарнизонъ въ полной походной формѣ и съ обозами и былъ очень доволенъ; тѣмъ болѣе, что никто я не подозрѣвалъ сего смотра. Гриппъ у насъ перебралъ весь гарнизонъ и дурно дѣйствуетъ на слабыхъ грудью; по должномъ совѣщаніи признано весьма полезнымъ вывести поочередно полки за городъ, для малаго похода, вмѣсто прогулки и освѣженія людей, и для очистки и провѣтриванія въ казармахъ. Такъ какъ Павловскій полкъ, а за нимъ Финляндскій, болѣе другихъ болѣли, то съ нихъ и начнемъ.

По спискамъ рекруты нынѣшняго года будутъ весьма хороши, но иные поздно приходятъ; тѣ, которыхъ уже видѣлъ, отличны. Великая княгиня была все это время здорова; но вчера жаловалась ревматизмомъ въ лицѣ, и сегодня вырвали коренной зубъ, послѣ чего ей было легче. Лили я видѣлъ сегодня, ей также лучше, и она очень выросла. Жена моя, благодаря Мандту, начинаетъ поправляться; за то сынъ Ни-

¹⁾ Вотъ когда по истинѣ можно сказать: „гони природу въ дверь она влетитъ въ окно“.

колай 10-й день въ постелѣ отъ лихорадки, и хотя увѣряють, что это ничего, но все насъ беспокоить. Впрочемъ все по-прежнему и по городу идетъ прежняя кутерьма. У насъ для жены бывають комнатные спектакли въ концертной залѣ, что очень приятно, и не утомляетъ. Карлъ Ивановичъ ⁴⁾ здоровъ, и вчерашній весьма не продолжительный смотръ выдержалъ верхомъ, какъ нельзя лучше. За симъ прощай, любезный Михайло, не забывай меня и вѣрь искренней неизмѣнной дружбѣ стараго вѣрнаго друга и брата. Н.

2.

12-го (24-го) февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Отъѣздъ Философова долженъ былъ отложиться по несчастной причинѣ болѣзни и смерти его сына. Жаль мнѣ очень и его и бѣдной жены его, которая, при томъ, еще беременна; но усердіе его умѣло покорить горестъ, и онъ просить долѣе его не удерживать. Потому это письмо не много будетъ включать новаго, кромѣ отчета о послѣднихъ моихъ смотрахъ. Послѣ перваго внезапнаго смотра здѣсь расположенныхъ войскъ, сдѣлалъ я второй однимъ загороднымъ и Литовскому полку, но безъ Гренадерскаго баталіона. Всѣ явились отлично исправно. Церемониальный маршъ за глубокимъ снѣгомъ для пѣхоты былъ очень труденъ, но, не смотря на то, прошли очень порядочно: пѣшая артиллерія прекрасно, а кавалерія и 1-я конно-легкая батарея славно, прибавленной рысью. Обозы всѣхъ тѣхъ войскъ были въ примѣрномъ порядкѣ. Вслѣдъ за симъ видѣлъ я пообыкновенному оба баталіона Павловскаго и Финляндскаго полковъ въ ружейныхъ приѣмахъ и маршировкѣ; могу точно сказать, что оба полка въ отличнѣйшемъ состояніи. Вчера былъ я на выступленіи Павловскаго полка въ практическій походъ и нашелъ тутъ все въ большомъ порядкѣ. Завтра выступаютъ Финляндскій и 4-я батарейная батарея.

Погода стоитъ мягкая и прекрасная, воздухъ хотя и не твой итальянскій, но необыкновенно весенній и утомляетъ. Философовъ тебѣ словесно все прочее расскажетъ. Англичане на насъ продолжаютъ ворчать, но врядъ-ли рѣшатся грызться; впрочемъ, мы готовы принять незваныхъ гостей. Великую княгиню и Лили видѣлъ я сегодня; онѣ здоровы. Мой госпиталь также благодаря Бога поправляется. Про тебя вчера узнали; твое пребываніе въ Туринѣ и отъѣздъ въ Ниццу; ждемъ съ нетерпѣніемъ, поѣдешь ли въ Неаполь. Если будешь тамъ, прошу

⁴⁾ Быстромъ, генералъ-адъютантъ, командовавшій всею гвардейскою пѣхотою.

меня повергнуть къ стопамъ королевы и просить продолженія ея милостиваго ко мнѣ расположенія.

Прощай вторично, любезный Михайло; не забывай стараго вѣрнаго друга и брата. Н.

II.

Великій князь Михайлъ Павловичъ—императору Николаю I.

2-го (14-го) іюня 1837 г. Бадень-Бадень.

Милостивыя твои письма, любезный Николай, отъ 9-го (21-го), 10-го (22-го) и 13-го (25-го) маія черезъ фельдъегеря Виммера я имѣлъ счастье получить 22-го маія (3-го іюня) и приношу тебѣ мою искреннѣйшую и низайшую благодарность. На разные предметы, въ нихъ заключающіеся, буду отвѣчать по порядку. Лѣчение мое здѣсь приходитъ къ концу, и слава Богу теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ, остается мнѣ желать, чтобы и впредь такъ же продолжалось съ помощію Всевышняго. Я не могу довольно нахвалиться усердіемъ здѣшняго доктора Гунерта, который меня лѣчитъ съ чрезвычайнымъ желаніемъ меня вылѣчить и, кажется, вполне въ этомъ успѣлъ. Истинно отличный медикъ и имѣющій необыкновенно точный взглядъ, хотя еще и молодъ; по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я осмѣлюсь просить тебя оказать ему какую-нибудь милость. Онъ думалъ, начавъ мое лѣчение здѣсь, что нужно будетъ мнѣ послѣ употребленіе морскихъ ваннъ; но такъ какъ теплая и истинно лѣтняя погода началась у насъ только-что нѣсколько дней, а прежде стояла все прехолодная и сырая, и потому море не можетъ быть достаточно согрѣто, онъ находитъ, что полезнѣе мнѣ будетъ послѣднюю недѣлю лѣченія здѣсь взять соленыя ванны и души, что уже я и началъ. 1-го (13-го) числа я совершенно кончу курсъ лѣченія и 8-го (20-го) выѣзжаю отсюда. Если бы я слѣдовалъ влеченію души моей, то, конечно, направилъ бы свой путь прямо въ Петербургъ и могъ по расчету времени поспѣть ко дню твоего рожденія. Не нужно мнѣ тебѣ сказать, сколь я былъ бы счастливъ, если бы сіе могло сбыться, но, полагая, что можетъ быть тебѣ угодно, чтобы я ѣхалъ въ Англію, я рѣшился туда ѣхать и думаю пробыть тамъ день десять или двѣ недѣли. Признаюсь откровенно, что нѣкоторымъ образомъ я страшусь этой поѣздки, потому что почти годъ я жилъ весьма уединенно, теперь вдругъ попаду въ огромный лондонскій свѣтъ, гдѣ я почти никого не знаю; но съ помощію Божіею постараюсь не осрамиться. По газетамъ

говорять, что король весьма опасно боленъ. Если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, то истинно не знаю, что мнѣ дѣлать, т. е. ѣхать ли или нѣтъ; отвѣтъ на сей вопросъ врядъ ли можетъ дойти до меня во-время. Я думаю отправиться отсюда 8-го (20-го) числа на Голландію; на пребываніе у сестры и до пріѣзда въ Лондонъ примѣрно кладу отъ десяти до двѣнадцати дней, слѣдовательно, я тамъ могу быть около 20-го іюня (2-го іюля), впрочемъ надо будетъ мнѣ соображаться съ обстоятельствами. Прошу тебя, любезный Николай, принять мое душевное поздравленіе съ наступающимъ днемъ твоего рожденія, дай Богъ тебѣ всевозможнаго счастья и полное преуспѣяніе во всѣхъ твоихъ благихъ предпріятіяхъ. Весьма мнѣ больно, что вновь я лишень счастья тебя лично поздравить и изъяснить тебѣ изустно то, чѣмъ сердце мое преисполнено. Изъ Лондона полагаю отправиться моремъ въ Гамбургъ или иначе, что по справкамъ окажется поспѣшнѣе, и изъ Любека пушусь моремъ такъ, что съ милостью Всевышняго надѣюсь въ половинѣ іюля явиться на службу. Съ нетерпѣніемъ ожидаю минуты счастливой тебя увидѣть. Я весьма радовался, видѣвъ изъ письма твоего, что ты всѣми войсками и кадетами, какъ на смотру, такъ и на ученіяхъ остался доволенъ. Тебѣ угодно приписывать часть сего успѣха мнѣ; не знаю, какъ тебѣ выразить довольно то чувство глубочайшей признательности, которою я былъ и есть преисполненъ при чтеніи сихъ милостивыхъ и драгоценныхъ для меня строкъ. Но могъ ли я что-нибудь сдѣлать одинъ безъ усердныхъ помощниковъ, слѣдовательно честь принадлежитъ имъ, тѣмъ болѣе, что вотъ уже почти годъ, что я отъ нихъ удаленъ,—мнѣ остается ими и за нихъ радоваться. Могу только въ одномъ тебя увѣрить, что покуда я буду живъ и во мнѣ будетъ хоть малѣйшая сила, они (т. е. жизнь и сила) будутъ посвящены служить тебѣ вѣрой и правдой.

Я весьма разумѣю, сколь тебѣ было тяжело разстаться съ Наслѣдникомъ ⁴⁾, но путешествіе сіе вѣрно послужитъ какъ ему, такъ и Россіи, нашей славной и неопцѣненной матушкѣ Россіи, въ пользу, ибо его увидятъ, узнаютъ и вѣрно полюбятъ. Мнѣ кажется, что это чувство неотъемлемо отъ него, когда его узнаютъ; я не какъ лъстець подлый говорю, но по убѣжденію и влеченію, которое я къ нему чувствую. Признаюсь, безъ памяти люблю его, у него душа необыкновенная; Богъ вѣрно будетъ всегда ему сопутствовать. Прочитавъ описаніе сна императрицы и что я въ немъ замѣшанъ въ непростительномъ фамильярствѣ, крѣпко содрогнулся, обрѣвъ, oh, oh, la, la, жаль, что со мною нѣтъ Свода законовъ, а то бы учинилъ по немъ справку,

---

⁴⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ путешествовалъ тогда по Сибири.

что онъ на такіе случаи гласить; дѣло, кажется, плоховато. Да при семь осмѣливаюсь приложить челобитню къ ея величеству, дескать матушка ваше императорское величество бью челомъ и всеподданнѣйше прошу, чтобы впредь подобныя сны, могущіе привести васъ въ трепетъ и меня невиннаго, не приходили бы тревожить высочайшую особу вашу и меня, ползущаго у подножія вашего, о чемъ и прошу рѣшеніе учинить и меня нижепоименованнаго успокоить.

Весьма радуюсь, что нашему почтенному Карлу Ивановичу, при отеческихъ твоихъ о немъ попеченіяхъ, равно и гр. Бенкендорфу гораздо лучше. Жаль мнѣ весьма Бородина и Перрена, они были оба добрые и честные служивые. Дай Богъ, чтобы А. Я. Сукинъ поправился. Царствіе небесное А. Д. Балашову. Приношу искреннѣйшую мою благодарность за поздравленіе съ рожденіемъ Лили. Отсюда ничего мнѣ совершенно нельзя тебѣ любопытнаго писать *faute de matériaux*. На-дняхъ отправляется Философовъ съ полковникомъ Лаколе здѣшней службы въ Страсбургъ.

Нѣсколько дней тому назадъ былъ здѣсь Дантесъ и пробылъ два дня. Онъ, какъ говорятъ, весьма соболѣзнуетъ о бывшемъ съ нимъ, но увѣряетъ, что со времени его свадьбы, онъ ни въ чемъ не можетъ себя обвинять касательно Пушкина и жены его, и не имѣлъ съ нею совершенно никакихъ сношеній, былъ же вынужденъ на поединокъ поведеніемъ Пушкина. Всѣмъ твердить, что послѣ Россіи все кажется ему *petit et mesquin*. На лѣто онъ переѣзжаетъ съ женою жить сюда. Приѣхали сюда княгиня Радзивиль, которой здоровье все еще не хорошо, и Бутурлина такъ же лѣчится. Княгиня Долгоруковой хотя лучше, но лѣченіе ея продолжится еще, можетъ быть, два года. Прошу тебя повергнуть меня къ стопамъ ея величества и обнять отъ меня милыхъ твоихъ дѣтей. Итакъ Ольга Николаевна переросла уже императрицу! Мой Долгорукой сюда еще не прибылъ, хотя по письмамъ его знаю, что онъ также ѣдетъ въ Баденъ; женѣ его хуже, чѣмъ когда было. Прощай, любезный Николай, не забывай твоего вѣрнаго брата и друга. Михаилъ.

P. S. Генералъ Безакъ уже нѣсколько недѣль здѣсь на возвратномъ пути въ Петербургъ, онъ везетъ весьма многія любопытныя свѣдѣнія по разнымъ частямъ, которыя онъ собралъ во время своихъ путешествій во Франціи и Англии. Я осмѣливаюсь взять его съ собою въ Англию, гдѣ онъ можетъ быть мнѣ весьма полезенъ.

Сообщ. Рих. Алекс. Гриммъ.

